

**НОВАЯ
И
НОВЕЙШАЯ
ИСТОРИЯ**

№ 3

МАЙ—ИЮНЬ

1994

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В МАЕ 1957 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Член-корр. РАН Чубарьян А. О. История XX столетия: новые исследования и проблемы	3
Козлов В. П. Зарубежная архивная Россия: проблемы и направления работы	13
Егорова Н. И. «Иранский кризис» 1945—1946 гг. По рассекреченным архивным документам	24
Забалуев В. Г. Германский политический католицизм как предшественник христианской демократии	43
Серова О. В. Россия и объединение Италии	59
Федосова Е. И. Идея европейского единства в общественно-политической мысли Франции XVIII—XIX вв.	70
Додолев М. А. Венский конгресс 1815 г. в современной зарубежной историографии	79

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Академик Болховитинов Н. Н. В поисках новой системы координат в мировой истории	89
Остриков П. И., Сафонов В. Н. (Курск). К вопросу о периодизации новой и новейшей истории	96

ИЗ АРХИВА ПРЕЗИДЕНТА РФ

Ржешевский О. А. Визит А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Переговоры с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым (окончание)	100

ВОСПОМИНАНИЯ

Коваль К. И. Записки уполномоченного ГКО на территории Германии	124

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

Академик Севостьянов Г. Н. Миссия М. М. Литвинова в Вашингтон в 1933 г. Новые материалы	148
Орлов А. С., Кожанов В. П. Ленд-лиз: взгляд через полвека	176

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Овчаренко Н. Е. Две жизни Эдуарда Бернштейна	195

© 1994 г.

Н. И. ЕГОРОВА

«ИРАНСКИЙ КРИЗИС» 1945—1946 гг. ПО РАССЕКРЕЧЕННЫМ АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ

Процесс рассекречивания документов отечественных архивов дает возможность начать писать историю недавнего прошлого без мифотворчества или вынужденных купюр. Ведь далеко не случайно, что многие важные темы, изучение которых способно пролить свет на происхождение «холодной войны», оказались на периферии интересов наших историков. Среди них и такой сюжет, как «иранский кризис» 1945—1946 гг., широко разрабатывавшийся в западной историографии. Термином «иранский кризис» большинство исследователей обозначали обострение с конца 1945 г. советско-иранских отношений в связи с поддержкой СССР движения за национальную автономию в Иранском Азербайджане и отказом вывести в срок советские войска из северных провинций Ирана, которое приобрело черты международного кризиса после обращения Ирана в ООН 19 января 1946 г.

В отечественной историографии данный вопрос по существу игнорировался. Узость и выборочный характер советских документальных публикаций¹, полная недоступность архивов для изучения ближневосточного и средневосточного направлений внешней политики СССР в первые послевоенные годы гасили всякий научный интерес к этой проблеме.

В результате советские историки или вообще опускали вопрос об «иранском кризисе» в публиковавшихся трудах², или же оперировали официальной версией. Суть ее сводилась к тому, что СССР не вмешивался во внутренние дела послевоенного Ирана, оказывал национально-освободительному и демократическому движениям в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане лишь моральную поддержку, в то время как империалистические круги Англии и США с помощью иранских реакционных властей использовали «иранский вопрос» в качестве предлога для обострения международной напряженности и нападков на СССР³.

В последние годы ряд американских исследователей «постревизионистской» ориентации, опираясь на рассекреченные документы архивов США и Европы, попытались по-новому взглянуть на происхождение «холодной войны», выдвинув на первый план в этом вопросе не европейский узел противоречий великих держав, а столкновение их интересов и политических амбиций на Ближнем и Среднем Востоке. Отказавшись от объяснения сложных событий в Иране в 40-е годы с помощью традиционной схемы — «советский экспансионизм» и «оборонительная» реакция Англии и США, — они смогли глубже проанализировать мотивы поведения каждого участника «иранского кризиса». Впервые этими историками

¹ Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1945 год. М., 1949; 1946 год. М., 1952.

² См., например: *Иванов М. С.* Очерк истории Ирана. М., 1952; *Иран. Очерки новейшей истории.* М., 1976; *Агаев С. Л.* Иран в прошлом и настоящем. Пути и формы революционного процесса. М., 1981; *История внешней политики СССР.* В 2-х ч. Ч. 2 (1945—1985). М., 1986.

³ Международные отношения после второй мировой войны. В 3-х т., т. 1. М., 1962, с. 255—260, 538; *Орлов Е. А.* Внешняя политика Ирана после второй мировой войны. М., 1975, с. 29—61.

был поставлен вопрос о влиянии политических лидеров Ирана и Турции на процесс генезиса «холодной войны»⁴.

Но как бы далеко ни продвинулись зарубежные ученые в исследовании внешней политики США, Англии и Ирана в 40-е годы, хотя большинство работ все еще отмечено ныне критикуемым «американоцентризмом»⁵, их выводы относительно советских действий на Ближнем и Среднем Востоке страдали очевидной спекулятивностью. Отсутствие советского архивного материала, по свидетельству профессора Б. Кунихольма, придает затаянный характер ведущейся в последние годы дискуссии американских историков относительно мотивов и целей политики СССР в Иране⁶. Как правило, мессианской идее распространения коммунистической системы, что было присуще традиционному подходу, отводится последнее место. На первый план выдвигается вопрос, чем руководствовались советские политики: соображениями безопасности южных нефтепромыслов и границ СССР или агрессивными намерениями? С ответом на этот вопрос связаны и другие спорные проблемы, прежде всего — насколько поведение СССР в Иране воздействовало на формирование концепции национальной безопасности США после окончания второй мировой войны⁷. Существуют и другие важные вопросы, ответ на которые до сих пор окутан тайной.

Не углубляясь в предысторию «иранского кризиса», остановимся на двух принципиальных аспектах, оказавших важное воздействие на его происхождение, эскалацию и процесс урегулирования. Одним из центральных вопросов, вокруг которого начала раскручиваться спираль кризиса, стал вывод союзных войск из Ирана после окончания второй мировой войны. Иран не был театром военных действий, но 25 августа 1941 г. СССР, согласно статье 6-й советско-иранского договора 1921 г., преодолев незначительное сопротивление иранской армии, ввел свои войска в северную часть страны. Одновременно по взаимной договоренности союзников с юга и запада на территорию Ирана вступили войска Великобритании. Эта акция мотивировалась необходимостью пресечь подрывную деятельность агентуры гитлеровской Германии в Иране, заявившем о своем нейтралитете (Иран объявил войну Германии только 9 сентября 1943 г.), и стремлением использовать иранские коммуникации для поставок в СССР военных грузов по ленд-лизу.

29 января 1942 г. между СССР, Великобританией и Ираном был подписан тройственный договор о союзнических отношениях. По этому договору вывод советских и английских войск, не имевших оккупационного статуса, предусматривался не позднее шести месяцев после окончания всех военных действий между союзными государствами и державами «оси». В конце 1942 г. на территорию Ирана были введены войска США. Командование американских вооруженных сил в Персидском заливе не имело какой-либо договоренности на этот счет с иранским правительством, но не встретило противодействия со стороны кабинета

⁴ Kuniholm B. R. *The Origins of the Cold War in the Near East: Great Powers Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece*. Princeton (N. J.), 1980; Rubin B. *The Great Powers in the Middle East, 1941—1947: The Road to the Cold War*. London — Totowa (N. J.), 1980; Alvarez D. J. *Bureaucracy and Cold War Diplomacy: The United States and Turkey, 1943—1946*. Thessaloniki, 1980; McFarland S. L. *A Peripheral View of the Origins of the Cold War: The Crisis in Iran, 1941—1947*. — *Diplomatic History*, Fall 1980, p. 333—351; Good J. F. *The United States and Iran, 1946—1951. The Diplomacy of Neglect*. New York, 1989; Cottam R. W. *Iran and the United States: A Cold War Case Study*. Pittsburgh (Pa.), 1988, etc.

⁵ Исключение составляет монография Ф. Дж. Харбутта, заменившего «американоцентризм» «англоцентризмом» и трактующего события вокруг Ирана как проявление англо-советской «холодной войны». — Harbutt F. J. *The Iron Curtain: Churchill, America and the Origins of the Cold War*. New York — Oxford, 1986.

⁶ Kuniholm B. R. *Evidence, Explanation, and Judgement: the Origins of the Cold War in the Near East*. — Paper, Prepared for the International Conference «Soviet Foreign Policy, 1917—1991. A Perspective». Moscow, 4—7 February, 1992.

⁷ Leffler M. P. *The American Conception of National Security and the Beginnings of the Cold War, 1945—1948*, Gaddis J. L., Kuniholm B. *Comments*, Leffler M. P. *Reply*. — *American Historical Review*, 1984, v. 89, № 2, p. 346—391.

Кавама-эс-Салтане, взявшего курс на поощрение американского присутствия в стране. В апреле 1943 г. был подписан ирано-американский торговый договор. Тогда же по приглашению иранского правительства из США стали прибывать многочисленные советники и миссии для оказания помощи Ирану в различных областях, включая подготовку армии, жандармерии и управление финансами.

Вступление войск союзников в Иран и отречение 16 сентября 1941 г. Реза-шаха от престола в пользу своего 23-летнего сына Мохаммеда Реза Пехлеви оказали оздоравливающее влияние на внутривнутриполитическую жизнь страны, долгие годы находившейся под властью диктаторского режима. Осенью 1941 г. были освобождены все политические заключенные, в частности бывшие коммунисты, которые составили костяк созданной в октябре Народной партии Ирана (НПИ), другое название — партия Туде. Многие члены политбюро новой партии, объединившей в своих рядах представителей рабочего класса, ремесленников и демократической интеллигенции, а также ее активисты еще в 30-е годы окончили советские партийные учебные заведения. Партия испытывала значительные финансовые трудности. Все это изначально предопределило особую зависимость НПИ от ВКП(б), широко эксплуатировавшей идею о том, что, действуя в интересах социалистического Советского Союза, Народная партия способствует демократическому развитию своей собственной страны.

Заметим, что авторам упоминавшихся выше зарубежных трудов было ясно предназначение НПИ в плане ее использования для обеспечения экономических и политических интересов СССР на Среднем Востоке. Но без советских архивов им оставалось только гадать, насколько политически эффективными были взаимоотношения НПИ с ВКП(б), насколько они, наряду с использованием присутствия советских войск на севере Ирана и средств традиционной дипломатии, обеспечивали эти интересы.

Выявленные в российских архивах прежде глубоко засекреченные документы дают возможность проанализировать весь комплекс советско-иранских взаимоотношений, приведший к возникновению «иранского кризиса».

Здесь параллельно с вопросом об использовании НПИ в событиях в Иранском Азербайджане необходимо рассмотреть другой важный фактор в генезисе «иранского кризиса» — вопрос о предоставлении СССР нефтяной концессии в Северном Иране. На наш взгляд, в зарубежной историографии, оперировавшей оценками западной дипломатии, ему уделено недостаточное внимание.

Периодические осложнения советско-иранских отношений из-за стремления иностранных компаний получить права на разведку и добычу нефти в северных провинциях Ирана берут свое начало в 1920-х годах. По договору 1921 г. Советская Россия, руководствуясь желанием установить добрососедские отношения, безвозмездно передала Ирану имущество российских промышленников и концессионеров в Северном Иране на общую сумму 582 млн. золотых рублей⁸, при этом отказавшись от нефтяных, рудных и других концессий. Со своей стороны иранское правительство обязалось по статье 13-й не передавать возвращенные Ирану концессии и имущество во владение, распоряжение или пользование никакому третьему государству. Однако уже в 1922 г. в нарушение договора оно предоставило американской компании «Синклер ойл корпорейшн» концессию на разведку и разработку нефти в северных прикаспийских провинциях. В 1937 г. те же права были предоставлены американской «Делавэр компани» в районе Хорасана и Гограна. История повторилась в 1939 г. с дочерней компанией англо-голландского концерна «Ройял-Датч шелл». Только в результате решительных протестов советского правительства, обеспокоенного безопасностью своих южных рубежей, — поскольку территории концессий пролегли у самых границ, вблизи Баку, — все три концессии были аннулированы.

В годы войны присутствие советских войск на севере Ирана стимулировало научные и государственные интересы СССР в изучении природных ресурсов

⁸ Алексеев, Л. Советский Союз и Иран. М., 1963, с. 11.

этой части страны, прежде всего нефтяных месторождений. В 1942—1943 гг. в ее северо-восточной части проводились экспедиционные работы как по линии АН СССР, так и по заданию штабов инженерных войск Среднеазиатского военного округа и Закавказского фронта. 25 января 1944 г. заместителю наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозову была представлена обширная информация Наркомнефти о результатах проведенного в июле — сентябре 1943 г. обследования Северного Ирана с целью оценки нефтеносности района и возможности его промышленной разработки⁹, которая послужила основанием к всесторонней проработке данного вопроса на уровне заинтересованных ведомств. Специалисты-геологи докладывали о перспективности нефтяных месторождений в Гогране, Мазандаране и Гиляне, которые на северо-западе смыкались с нефтяными разведочными и эксплуатационными землями Советского Азербайджана, а на северо-востоке — Туркменской ССР. Одновременно они отмечали, что промышленная разведка потребует больших капиталовложений и отчуждения части иранской территории, что диктовало необходимость принятия специальных государственных и дипломатических решений¹⁰.

Активность Совета Народных Комиссаров, Народного комиссариата внешней торговли и Народного комиссариата иностранных дел¹¹ в подготовке соответствующих рекомендаций и документов в 1944 г. стимулировалась не только открывавшимися экономическими перспективами. Неизменной константой внешнеполитических решений по Ирану, имевшему общую с СССР границу — около 2,5 тыс. км, — были соображения безопасности южных районов СССР.

Существенное воздействие оказывала также политика союзников СССР на Ближнем и Среднем Востоке, их подготовка к реализации после окончания войны своих национальных интересов в данных регионах. С конца 1943 — начала 1944 г. две американские нефтяные компании «Стандард вакуум» и «Синклер ойл» и английская «Шелл» при поддержке посольств США и Великобритании и благосклонном отношении иранского правительства приступили к переговорам в Тегеране о предоставлении им нефтяных концессий на юге Ирана, в Белуджистане. Более того, в августе 1944 г. США и Англия провели двустороннюю конференцию по нефтяным проблемам, результатом которой явилось подписанное 8 августа в Вашингтоне специальное соглашение, предусматривавшее дальнейшие совместные действия в области нефтяной политики¹². Все это нашло отражение в дипломатических документах, связанных с выработкой концессионного договора СССР с Ираном и директив советской делегации на переговорах 1944 г. о североиранской нефти.

Ключевой фигурой, стоявшей за созданием проекта о предоставлении СССР нефтяной концессии на севере Ирана, был никто иной, как Л. П. Берия. Являясь заместителем председателя СНК, он потребовал существенной переработки подготовленного к 11 марта 1944 г. пакета документов, относившихся к созданию объединения «Советско-иранская нефть» и договору о концессии, в сторону ущемления прав иранской стороны¹³. По мере знакомства экспертов со всеми тонкостями иранского законодательства о концессиях и условиями заключения договора Англо-иранской нефтяной компаний (в которой 51% принадлежал государственному капиталу) Берия согласился на внесение в концессионный договор значительных коррективов.

16 августа 1944 г. Берия направил И. В. Сталину и народному комиссару иностранных дел В. М. Молотову, за своей подписью, крайне важный для понимания послевоенных целей СССР в Иране аналитический доклад СНК, касавшийся вопросов мировых запасов и добычи нефти, нефтяной политики

⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ), ф. 094, оп. 30, п. 347а, д. 48, л. 1, 158.

¹⁰ Там же, л. 99, 102.

¹¹ С марта 1946 г. — Министерство иностранных дел СССР.

¹² АВП РФ, ф. 06, оп. 6, п. 37, д. 461, л. 16, 28.

¹³ Там же, ф. 094, оп. 30, п. 347а, д. 48, л. 130, 133, 134.

Англии и США и содержащий соответствующие выводы относительно советских действий. В нем отмечалось наличие англо-американских противоречий в борьбе за нефтяные месторождения Ирана и в то же время обращалось внимание на их стремление к совместным действиям «в отношении любой третьей страны». Имелся в виду СССР. Берия предлагал «энергично взяться за переговоры с Ираном на получение концессии в Северном Иране». При этом он подчеркивал, что «англичане, а возможно и американцы, ведут скрытую работу по противодействию передаче нефтяных месторождений Северного Ирана для эксплуатации Советским Союзом». Кроме того, он высказывал пожелание об участии СССР в англо-американских переговорах о нефти «для защиты интересов СССР в сфере международных нефтяных дел»¹⁴.

Таким образом, за стремлением СССР получить нефтяную концессию в северных провинциях Ирана, помимо соображений безопасности и экономических расчетов, стояло желание его политических лидеров на равноправной основе принять участие в послевоенном соперничестве великих держав за обладание новыми нефтяными месторождениями на Ближнем и Среднем Востоке. С точки зрения геополитики и усиления влияния СССР в этом районе нефтяная концессия, на 60 лет закреплявшая за ним территорию в 150 тыс. кв. км для разведки и добычи нефти и предоставлявшая концессионеру эксклюзивные права¹⁵, также создавала весьма благоприятные условия. Это понимали союзники СССР, стремившиеся помешать такому развитию событий.

Поездка представительной Правительственной комиссии СССР в Иран в сентябре — октябре 1944 г. во главе с заместителем наркома иностранных дел С. И. Кавтарадзе, принимавшим непосредственное участие в подготовке предложений о концессии, окончилась неудачей. 11 октября кабинет премьер-министра М. Саеда окончательно отклонил просьбу СССР о нефтяной концессии, заявив, что все переговоры о концессиях откладываются до окончания войны, когда прояснится ситуация в мировой экономике. 2 декабря меджлис, в подавляющем большинстве не испытывавший симпатий к СССР, принял закон, запрещающий премьер-министрам предоставлять концессии и даже вести переговоры о них.

Правительства Англии и США, несмотря на недовольство нефтяных компаний, благожелательно приняли решение иранского правительства об отмене всех переговоров о нефтяных концессиях до конца войны, поскольку это нарушало вполне прогнозируемые планы советского союзника в Иране. Обстановка вокруг предоставления нефтяных концессий высветила новую тенденцию во внешней политике Ирана. Иранское правительство намеревалось использовать США в качестве противовеса традиционному влиянию в стране Англии и России в лице Советского Союза. Накануне войны функции «третьей силы» отводились Германии. Посольство США в Иране выступило в роли главного советника кабинета Саеда по выработке тактики отказа СССР в просьбе о нефтяной концессии на севере¹⁶.

Тем не менее советское руководство расценило решение иранского правительства как продиктованное прежде всего антисоветской политикой Англии. В сообщении информатора ЦК ВКП(б), находившегося в Иране еще со времени существования Коминтерна, от 19 февраля 1945 г. принятый меджлисом 2 декабря 1944 г. закон прямо связывался с деятельностью проанглийских сил. По мнению этого, пользовавшегося доверием ответственных работников ЦК источника, Англия действовала через иранский парламент, который, являясь ее послушным орудием, «смог оказать сильное сопротивление нашей первой попытке расширения экономических интересов (отклонение предложения о концессии)»¹⁷.

¹⁴ Там же, ф. 06, оп. 6, п. 37, д. 461, л. 16—18.

¹⁵ Там же, л. 8.

¹⁶ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS), 1944, v. V. Washington, 1965, p. 455.

¹⁷ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 128, д. 817, л. 29.

Констатируя наличие «английской угрозы» советским экономическим интересам в Иране, автор документа предлагал в качестве противодействия использовать предстоящие выборы в меджлис, чтобы завоевать все 54 места от северных провинций просоветски настроенными элементами¹⁸. При этом полностью отождествлялись «советские государственные интересы» и интересы демократического движения в Иране. Таким образом, «нефтяной кризис» 1944 г. привел к перерождению стратегии ВКП(б) в отношении НПИ. Последняя оказалась тесно привязанной к внешней политике СССР.

Учитывая историю создания НПИ и ее взаимоотношений с ВКП(б), очевидно, что специфику советской политики в Иране невозможно понять без тех архивных документов, которые отражают деятельность партийных структур, возникших в системе принятия внешнеполитических решений на последнем этапе войны. По этой причине большой интерес для исследования «иранского кризиса» представляют не только документы Министерства иностранных дел, но и фонды бывших партийных архивов. Как раз во время проработки в различных инстанциях предложения СССР о нефтяной концессии в Северном Иране, в июле 1944 г., в структуре ЦК ВКП(б) был создан Отдел международной информации (ОМИ). Он являлся прямым наследником аппарата и квалифицированных кадров Коминтерна, распущенного в мае 1943 г. Рождение нового отдела в значительной степени было вызвано, помимо задачи сохранения контроля за мировым коммунистическим движением, соображениями практической подготовки в преддверии окончания войны к закреплению влияния СССР в тех регионах, которые рассматривались как сфера советских национальных интересов. Северный Иран относился к ним.

Партийные документы свидетельствуют, что ОМИ и его преемник с конца декабря 1945 г. Отдел внешней политики (ОВП) активно подключились к проведению в жизнь оформившихся к концу войны экономических и политических планов СССР в отношении Ирана. Кроме обеспечения политбюро и ЦК информацией о политической ситуации в этой стране и о деятельности различных партий, прежде всего НПИ, отделу придавались важные функции по реализации тех решений Кремля, которые не попадали в разряд государственной дипломатии. «Иранский кризис» оказался той международной проблемой первых послевоенных лет, где официальная и «партийная» дипломатия действовали, может быть, в наибольшем контакте.

События 1944 г., связанные с предоставлением нефтяной концессии Советскому Союзу, обнаружили конкурирующие интересы союзников в Иране, занимавшем важное стратегическое положение на Среднем Востоке. К этому времени в советских, английских и американских правящих кругах уже сложились в общих чертах представления о долгосрочных интересах своих стран на Ближнем и Среднем Востоке, и они не собирались упускать возможность воспользоваться плодами приближавшейся победы.

Несмотря на сотрудничество в годы войны, у Англии и СССР сохранялось традиционное, еще со времен дореволюционного соперничества в Иране, недоверие и подозрительность в отношении политики каждой стороны. Миссия Кавтарадзе и решение иранского правительства о нефтяных концессиях послужили толчком к оживлению у советского руководства антианглийских настроений и возобновлению антианглийской пропаганды. Что касается Великобритании, то ее правящие круги были весьма обеспокоены произошедшим за годы войны укреплением позиций СССР в Иране, который они продолжали рассматривать как собственную «сферу влияния». Главные надежды на изменение положения они связывали с окончанием войны и выводом советских войск из северных провинций.

В одной из первых аналитических разработок государственного департамента США, выполненной в декабре 1944 г. и посвященной послевоенным американским целям на Ближнем и Среднем Востоке, англо-советские противоречия рассмат-

¹⁸ Там же, л. 132об.

ривались как традиционная доминанта в столкновении особых интересов трех великих держав — Англии, СССР и Франции — в регионе. Причем среди главных стратегических интересов СССР назывались обеспечение безопасности его южных границ, стремление помешать созданию враждебной коалиции капиталистических государств и лишь как косвенная цель — надежда на распространение советской социально-экономической системы на страны Среднего Востока. США собирались вступить в борьбу за свое политическое влияние здесь экономическими методами, но отнюдь не исключали того, что на Среднем Востоке уже все готово «для возникновения разногласий и действий, которые станут угрозой странам региона и всеобщему миру»¹⁹. Основанные на такой разработке установки госдепартамента просуществовали до осени 1945 г.

Забегая вперед, скажем, что начиная с августа 1945 г. через все материалы Управления ближневосточными и африканскими делами госдепартамента США, которое возглавлял Л. Гендерсон, настойчиво проводилась идея, что США должны активизировать свою деятельность на Среднем Востоке, богатом природными ресурсами и важным по геополитическим соображениям регионе. Пассивность США на фоне ослабления позиций Англии и Франции или даже в случае их попыток консолидировать свои давние «сферы влияния» чревата превращением СССР в единственную влиятельную силу, в «защитника» народов Востока. Однако такие рекомендации до поры до времени сосуществовали с официальным курсом на подчеркивание сходства, а не различий в политике США и СССР на Ближнем и Среднем Востоке по контрасту с британским колониализмом²⁰.

Итак, в исторической ретроспективе, выстраивающейся с помощью российских архивов, вопрос о предоставлении СССР концессии на разведку и промышленную разработку североиранской нефти предстает как стержень советско-иранских отношений в первые послевоенные годы. С его решением были связаны другие проблемы, обострившие ситуацию в Иране до критической точки: вывод советских войск, развитие движения за национальную автономию в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане.

После «нефтяного кризиса» 1944 г. иранские власти все больше укреплялись во мнении, что вести в будущем переговоры с СССР можно только о создании смешанного советско-иранского общества. Тем более что уже был прецедент — созданное в 1927 г. совместное общество «Иранрыба». Но в 1945 г. советское правительство расценивало перспективу создания советско-иранского нефтяного общества как явно дискриминационный акт по сравнению с теми правами, которыми обладал на юге главный соперник СССР в стране — Англия. Значительное укрепление за годы войны позиций СССР в Иране²¹ давало основание его руководителям, прежде всего Сталину, надеяться на успех в стремлении отстоять советские экономические и геополитические интересы на Среднем Востоке. Важной предпосылкой для осуществления планов Кремля являлось присутствие советских войск на севере Ирана.

19 мая 1945 г. иранское правительство обратилось к Англии, СССР и США с предложением о досрочном выводе их войск из страны, мотивируя это окончанием войны с Германией. В результате инициативы Ирана Англия получала долгожданный шанс «выдворить русских из Персии», как с удовлетворением сообщил английский министр иностранных дел А. Иден своему заместителю А. Кадогану в письме от 1 июня 1945 г.²² Правда, для английских нефтеперерабатывающих

¹⁹ FRUS, 1945, v. VIII. Washington, 1969, p. 37.

²⁰ Ibid., p. 16.

²¹ По тройственному договору 1942 г. советские специалисты работали на тегеранских военных заводах, выполнявших заказы советского командования. В Северном Иране были построены новые или реконструированы старые шоссе, чтобы ускорить доставку в СССР помощь по ленд-лизу, шедшую по Трансиранской и Тавризской железным дорогам. СССР оказывал посильную экономическую и медицинскую помощь населению страны. Активно восстанавливались и расширялись советско-иранские культурные связи.

²² АВГП РФ, ф. 836, оп. 11, д. 22, л. 62.

сооружений в Адабана срочный отвод английских войск был небезопасен и грозил срывом поставок нефти для ведения войны с Японией. Но английское правительство, озабоченное перспективой «проникновения» СССР в Иран, 31 мая направило через своего посла в Москве А. Керра в НКВД письмо, где предлагало договориться о досрочном выводе союзных войск из Ирана.

Советское правительство не ответило на это послание. НКВД хранил молчание и по поводу письма американского посла А. Гарримана от 14 июня, сообщавшего об окончании миссии американского командования в Персидском заливе и мероприятиях по сокращению вооруженных сил США в Иране. Однако в дипломатических архивах сохранились проекты благожелательных ответов на эти письма, которые, судя по пометкам, не пошли дальше секретариата Молотова²³. Лишь на Потсдамской конференции Англия привлекла внимание Сталина к своему плану трехступенчатого вывода войск: 1) из Тегерана; 2) из всего Ирана, за исключением Абадана (где оставались английские войска) и зоны на северо-востоке и северо-западе (где оставались советские войска); 3) из всего Ирана. В результате обмена мнениями глав трех великих держав договоренность коснулась только Тегерана. Дальнейшее решение вопроса о выводе союзных войск откладывалось до заседания Совета министров иностранных дел в сентябре в Лондоне.

В докладной записке Кавтарадзе Молотову от 25 мая 1945 г. объяснялись те мотивы, которыми руководствовалась советская дипломатия в отношении предложений о досрочном выводе войск из Ирана. Заместитель наркома отмечал: «Вывод советских войск из Ирана поведет, несомненно, к усилению в стране реакции и неизбежному разгрому демократических организаций... Реакционные и проанглийские элементы приложат все усилия и пустят в ход все средства, чтобы ликвидировать наше влияние и результаты нашей работы в Иране. Поэтому считал бы правильным оттянуть момент вывода наших войск из Ирана и добиться возможного обеспечения наших интересов после их вывода (главным образом путем получения нефтяной концессии, а в крайнем случае создания акционерного общества с преобладающим нашим участием)»²⁴.

Таким образом, Народным комиссариатом иностранных дел была предложена линия на затягивание пребывания советских войск в Иране с целью получения необходимых уступок от последовательно сменявших друг друга антисоветски настроенных кабинетов М. Байата, М. Садра и И. Хакими. Предложение по линии ЦК ВКП(б) об использовании избирательной кампании в меджлис для формирования нового состава законодательного органа Ирана, более лояльного по отношению к СССР, также не прошло незамеченным «наверху»²⁵. Советскими руководителями была сделана ставка на поддержку активизировавшегося национально-освободительного движения в Северном Иране.

Это движение в северных провинциях имело собственные исторические корни. В Иранском Азербайджане с компактным большинством азербайджанцев их неоднократные выступления подавлялись местными ханами и представлявшей центральную власть жандармерией.

С первых дней сентября 1945 г. события стали развиваться стремительно. 6 сентября в Иранском Азербайджане была создана Демократическая партия Азербайджана (ДП), в которую влились распущенные провинциальные организации НПИ и рабочие союзы Азербайджана, что не закрывало доступ в ее ряды

²³ Там же, ф. 094, оп. 31, п. 351а, д. 2, л. 13, 15.

²⁴ Там же, ф. 06, оп. 7, п. 33, д. 466, л. 11.

²⁵ Тегеранская декларация, подписанная Ф. Рузвельтом, И. Сталиным и У. Черчиллем 1 декабря 1943 г., предопределяла повышенное внимание главы советского государства ко всем вопросам, касавшимся Ирана, не говоря уже о существовавшей практике принятия внешнеполитических решений. В Декларации подчеркивалось намерение США, СССР и Великобритании сохранять «полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность» Ирана. — См. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Документы и материалы, в 2-х т. Т. 1. 1941—1943. М., 1984, с. 460—461.

представителям всех классов и социальных слоев населения. Лидером партии стал Джафар Пишевари, до 1941 г. находившийся в тюрьме, а с 1943 г. избранный в меджлис от Тавриза — столицы Иранского Азербайджана. Основными требованиями партии были национальная и культурная автономия в пределах Ирана и введение в официальное употребление азербайджанского языка. Однако большое место в выпущенном 11 сентября в Тавризе обращении ДП уделялось предстоящим общенациональным выборам. Партия считала своей обязанностью добиться того, чтобы в соответствии с численностью населения Иранского Азербайджана — приблизительно около 4 млн. человек — в меджлис посылались одна треть от общего числа депутатов, а не одна шестая, как было до сих пор²⁶.

20 и 21 ноября в Тавризе состоялось заседание Всенародного собрания Азербайджана, которое приняло Декларацию, адресованную меджлису, иранскому правительству и шаху, с требованием о предоставлении Иранскому Азербайджану автономии в составе Ирана. В Декларации говорилось о намерении азербайджанского народа создать собственное национальное правительство и национальный меджлис. Объявив себя учредительным съездом, Всенародное собрание избрало национальный комитет из 39 человек, поручив ему управление делами провинции и организацию выборов в национальный меджлис. После выборов, 12 декабря, открылось заседание меджлиса Иранского Азербайджана. По его поручению лидер ДП Пишевари сформировал и возглавил национальное правительство. Программа правительства предусматривала ряд реформ, в частности бесплатное распределение государственных земель и воды между крестьянами. Было принято постановление о конфискации имущества тех лиц, которые покинули Азербайджан и вели враждебную деятельность против демократического движения. Национальное правительство также предложило иранским войскам, находившимся в провинции, жандармерии и полиции подчиниться его приказам. Не обошлось без противодействия и кровопролития в отдельных населенных пунктах²⁷. Правительство Ирана потребовало от советского командования разрешения ввести дополнительные — к уже находившимся там регулярным воинским частям и жандармерии — правительственные войска в северные районы Ирана.

Из содержания бесед лидеров НПИ с сотрудниками советского посольства в Тегеране можно заключить, что поспешность с образованием ДП Азербайджана и весь темп демократических преобразований в этой провинции диктовались прежде всего неумолимо приближавшимся сроком вывода советских войск из Ирана²⁸. Датой вывода было 2 марта 1946 г., т. е. через шесть месяцев после подписания 2 сентября 1945 г. акта о капитуляции Японии. Эта дата и была названа в письме Молотову английского министра иностранных дел Э. Бевина от 19 сентября. И хотя в ответном письме 20 сентября Молотов отказался обсуждать вопрос о выводе союзных войск из Ирана на проходившей в Лондоне сессии Совета министров иностранных дел, он дал понять, что СССР собирается придерживаться даты, определенной договором 1942 г.²⁹

О «руке Москвы» в создании ДП Азербайджана в американской историографии написано немало. Но до сих пор не было известно, что эта акция, проведенная, как выяснилось из документов, без ведома и согласия НПИ, вызвала крайне негативную реакцию со стороны ее политбюро. Руководство НПИ считало огромной ошибкой советских товарищей упразднение азербайджанской организации этой партии и образование по инструкции из Кремля ДП Азербайджана, выдвинувшей

²⁶ Известия, 14.IX.1945.

²⁷ См. подробнее: *Иванов М. С.* Указ. соч., с. 368—376. Параллельно событиям в Иранском Азербайджане развивалось национальное движение за предоставление автономии в Иранском Курдистане. В конце октября 1945 г. там также была создана Демократическая партия, и вскоре в Мехабде сформировано национальное правительство, начавшее сходные реформы и создание отрядов самообороны. Архивы хранят свидетельства об активной поддержке Советским Союзом деятельности духовного вождя и лидера курдов Казы Мохаммеда. — АВП РФ, ф. 06, оп. 8, п. 35, д. 557, л. 11.

²⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 819, л. 54, 61, 62.

²⁹ АВП РФ, ф. 094, оп. 33, п. 88, д. 15, л. 10.

программу автономии. Это рассматривалось различными кругами в Иране как первый шаг на пути раскола страны. Ответственность за него возлагалась не на азербайджанских национальных лидеров, а на НПИ, которая имела репутацию партии, тесно связанной с политикой СССР. В итоге нависла угроза над всем демократическим движением в стране. Официальное письмо ЦК НПИ в ЦК ВКП(б), написанное в сентябре 1945 г., пронизано сдерживавшейся в годы войны критикой некоторых действий советских ответственных лиц в Иране, которые осложняли и без того трудное положение партии, подвергавшейся прямым репрессиям со стороны властей. «Если бы враги СССР составили план против него, — отмечалось в письме, — то, несомненно, лучше того, что в данное время делается, они не смогли бы сделать»³⁰.

В случае с образованием ДП Азербайджана как раз нашла свое негативное проявление тенденция к несогласованности действий в выполнении шедших из Москвы указаний сотрудниками посольства и консульств и представителями «партийной дипломатии»: находившегося под соответствующей «крышей» информатора ЦК и специальных уполномоченных, прибывавших в Северный Иран — пограничный режим был значительно упрощен до вывода советских войск — по партийной линии. В событиях, связанных с Иранским Азербайджаном, активную роль играл секретарь ЦК КП(б) Советского Азербайджана М. Д. Багиров, обладавший весьма высокими полномочиями. В архивах МИД СССР хранятся его донесения, адресованные Сталину и Молотову.

Следует особо отметить, что воспитанные Коминтерном лидеры НПИ предпочитали иметь дело со специальными представителями ЦК ВКП(б), а не с сотрудниками дипломатических представительств. В упоминавшемся письме НПИ и в письмах члена политбюро НПИ А. Аванесяна ответственным лицам ЦК ВКП(б) содержалась настоятельная просьба прислать в Иран своих представителей, чтобы на месте разобраться и внести коррективы в создавшееся затруднительное положение НПИ³¹. В конце концов даже информатор ЦК вынужден был признать плохую организацию акции с образованием ДП Азербайджана. В донесении от 11 октября он писал: «Теперь можно с уверенностью сказать, что подготовка и осуществление хорошей идеи об образовании Демократической партии Азербайджана нашими работниками проведена плохо, внесена была ненужная неразбериха и нервозность»³².

Тем не менее намеченная в Москве тактика продолжала осуществляться. Прежде всего стало оказываться давление на НПИ, проявившую непредвиденное сопротивление. Это увенчалось успехом. Во втором письме ЦК НПИ в ЦК ВКП(б) не только признавались «необходимость» и «полезность» ДП Азербайджана, но и содержалось клятвенное обещание «подчиняться Всесоюзной коммунистической партии во всех случаях и всегда»³³.

Какие цели, помимо возможности повлиять на формирование меджлиса, преследовала советская политика в Иранском Азербайджане? В случае успеха получения автономии Иранским Азербайджаном, этнически связанным с Советским Азербайджаном, политическое влияние СССР в Иране и на всем Среднем Востоке значительно усилилось бы. Однако советская дипломатия стремилась пресекать все попытки националистических элементов как в Баку, так и в Тавризе рассматривать Иранский Азербайджан в качестве возможной части СССР³⁴. Долгосрочные интересы СССР на Ближнем и Среднем Востоке также исключали подобные замыслы. Советское руководство, несмотря на различные методы давления на иранское правительство, в частности, используя проблему Иранского Азербайджана, было озабочено сохранением с Ираном добрососедских

³⁰ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 818, л. 182.

³¹ Там же, д. 819, л. 55, 67.

³² Там же, л. 90об.—91.

³³ Там же, д. 818, л. 189.

³⁴ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 33, д. 476, л. 6.

отношений. Сошлемся на один очень интересный документ — рекомендации Молотову о поддержке кандидатуры Ирана на место непостоянного члена Совета Безопасности. В пользу этого член коллегии НКВД М. А. Силин выдвигал такие аргументы: «соседство Ирана с Советским Союзом»; «Иран был бы для нас более приемлем, чем Турция или Египет»³⁵.

Из нотной переписки между министерством иностранных дел Ирана и НКВД СССР видно, что советско-иранские отношения заметно осложнились к ноябрю 1945 г. Для иранского правительства не было сомнений в том, что успехи национально-освободительного движения в северных провинциях связаны отнюдь не только с моральной поддержкой советских военных властей. В Иранском Азербайджане были созданы отряды народного ополчения, которые заняли все дороги, ведущие в провинцию, связь с Тегераном была прервана. 19 ноября подразделение иранской армии из 1,5 тыс. солдат, направлявшееся в Тавриз по приказу шаха для подавления «мятежа», не было пропущено советским гарнизоном в Казвине. По мнению иранского правительства, которое разделялось Англией и США, это противоречило компетенции союзных войск по договору 1942 г., а также содержанию Декларации 1943 г.

В нотах МИД Ирана НКВД СССР от 17 и 23 ноября еще более энергично, чем в сентябре — октябре, выражалась просьба о разрешении со стороны советского командования ввести дополнительные войска в Иранский Азербайджан³⁶. Так как советская сторона не спешила с ответом, кабинет И. Хакими всерьез обдумывал идею о посылке в СССР для переговоров специальной делегации из трех человек, включая Кавама-эс-Салтане, известного своими антианглийскими настроениями. Если судить по телеграмме американского посла в Иране У. Мюррея, посланной 23 ноября государственному секретарю США Дж. Бирнсу, эта мысль была подсказана иранским дипломатам и политическим лидерам посольством США³⁷. За «дружеским» советом Ирану проявить мирную инициативу просматривалось желание в случае неудачного исхода переговоров всю ответственность возложить на СССР.

Признаки того, что США все охотнее выступали в роли дипломатического советника иранского правительства, а также посредника в урегулировании ирано-советских отношений, были замечены в советском посольстве в Тегеране. Значительно больше было сказано во врученном Молотову 24 ноября 1945 г. письме посольства США в Москве. Накануне, 23 ноября, американский посол Гарриман получил от Бирнса телеграмму, текст которой в виде письма и был доведен до сведения наркома иностранных дел. Одновременно через посольство Великобритании в США такое же послание было передано государственным секретарем в Лондон.

Все содержание письма, напоминавшего о том, что пропуск правительственных войск в Иранский Азербайджан гарантирован зафиксированным в Тегеранской декларации 1943 г. намерением союзников соблюдать суверенитет и независимость Ирана, сводилось к предложению вывести союзные войска из страны к 1 января 1946 г. За этим дипломатическим демаршем стоял замысел: в предвидении отказа СССР «изолировать» его в глазах мирового сообщества и продемонстрировать «интервенционистские» намерения советской стороны³⁸. В Вашингтоне были крайне разочарованы последовавшим 7 декабря отрицательным ответом Англии, обусловившей согласие на стоявший ей значительных военно-финансовых трудностей досрочный вывод войск из Ирана положительной реакцией в СССР на американское предложение³⁹.

³⁵ Там же, ф. 094, оп. 31, п. 352а, д. 33, л. 3.

³⁶ Там же, ф. 06, оп. 7, п. 33, д. 465, л. 5, 8—9; д. 467; л. 10, 11; д. 461, л. 53.

³⁷ FRUS, 1945, v. VIII. Washington, 1969, p. 444.

³⁸ Ibid., p. 479.

³⁹ По данным Генштаба Красной Армии на 8 декабря 1945 г. общая численность английских войск в Иране составляла 20—25 тыс. человек; американских — 4—4,5 тыс. (АВП РФ, ф. 0430, оп. 2, д. 16, п. 5, л. 25). Численность советских войск, по оценкам западных историков, — около 30 тыс. человек.

В это же время иранское правительство приняло решение отложить планировавшуюся поездку специальной делегации в Москву «до окончания кризиса». Иранские политики полагали, что переговоры будут безрезультатны, если не сделать «уступок русским», но к ним иранская сторона еще не была готова.

Разъяснения, которые были сделаны советским правительством относительно пропуска иранских войск в Иранский Азербайджан, также не располагали к двусторонним переговорам. В ноте иранскому министерству иностранных дел от 26 ноября, в письме Гарриману от 29 ноября и английскому послу Керру от 30 ноября — в ответ на его ноту от 25 ноября — говорилось, что посылка новых иранских подразделений усилит беспорядки и «может привести к кровопролитию» в северных районах, что вынудит советское правительство ввести в Иран свои дополнительные войска для охраны порядка и обеспечения безопасности своих границ⁴⁰.

Иранский внутривосточный кризис постепенно сдвигался в плоскость международных отношений. Такое развитие событий было нежелательно для СССР, но высокопоставленные сотрудники НКВД не исключали того, что на планировавшемся на декабрь в Москве Совещании министров иностранных дел СССР, Англии и США «иранский вопрос» может стать предметом обсуждения. Сохранились указания референтам от того же 26 ноября подготовить досье по вопросу о выводе союзных войск, чтобы основательно его проработать⁴¹.

Иранское правительство, разочарованное ответом советского посольства от 26 ноября, на неофициальном уровне приступило к зондажу возможности обращения в ООН. Не доверяя имперской политике Англии, иранские правящие круги удвоили усилия по привлечению на свою сторону США. 29 ноября новый посол Ирана в Вашингтоне Х. Ала, вручая верительные грамоты президенту Г. Трумэну, немало говорил о «советской угрозе» и в заключение заявил: «В этой критической ситуации я откровенно прошу вас, г-н президент, продолжать отстаивать права Ирана... Только ваша страна может спасти нас, потому что вы всегда защищали нравственные идеалы и принципы и ваши руки чисты»⁴². Деятельность Ала по подталкиванию США к решительным шагам в отношении иранских событий воспринималась госдепартаментом в конце 1945 г. с крайней осторожностью.

Московское совещание министров иностранных дел стало важным рубежом в эскалации «иранского кризиса». Иранское правительство настаивало на включении своего вопроса в повестку дня Совещания и даже официально предлагало направить в Москву делегацию в составе премьер-министра и министра иностранных дел⁴³. Планируя повестку дня Совещания, ответственные сотрудники НКВД не включили в нее иранский вопрос, хотя и полагали, что он может быть предложен другими участниками. В связи с этим ответственным лицам поручалось к 1 декабря представить свои соображения и материалы. Анализ этих документов показывает, что рекомендации советников Молотова были крайне жесткими. В меморандуме наркому от 13 декабря предлагалось снять поступившее 7 декабря от Бирнса, как инициатора Московского совещания, предложение о рассмотрении иранского вопроса, если не будет принято встречное предложение СССР о выводе английских войск из Греции и американских из Китая. А вероятное предложение Бевина и Бирнса о посылке особой комиссии союзников в Иран — отвергнуть под предлогом «вмешательства во внутренние дела» страны⁴⁴. Эта же мысль проводилась в составленных 13—15 декабря проектах решения Совещания по Ирану.

Английское правительство было намерено вести себя на Московском совещании по иранскому вопросу решительно: кандидатура английского посла в Тегеране

⁴⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 7, п. 33, д. 467, л. 15; д. 466, л. 12.

⁴¹ Там же, ф. 94, оп. 33, п. 88, д. 15, л. 20.

⁴² FRUS, 1945, v. VIII, p. 464.

⁴³ АВП РФ, ф. 0430, оп. 2, п. 5, д. 16, л. 20, 23.

⁴⁴ Там же, ф. 06, оп. 7, п. 33, д. 466, л. 11, 12.

Р. Булларда была не только включена в список делегации, но и представлена среди ограниченного круга лиц, которые должны были находиться за столом переговоров⁴⁵. В Управлении ближневосточными и африканскими делами госдепартамента также активно готовились к обсуждению «иранского вопроса» в Москве. По мнению Гендерсона, именно США предстояло «взять на себя лидерство в дискуссии по Ирану», поскольку в отличие от Англии и СССР их трудно было заподозрить в «эгоистических интересах» — аргументация, явно расходившаяся с реальностью. В меморандуме от 11 декабря Гендерсон рекомендовал Бирнсу дать понять Молотову и Бевину, что для США ситуация в Иране важна не как региональная проблема, а как «испытание способности постоянных членов Совета Безопасности сотрудничать друг с другом на основе уважения суверенитета малых государств — членов Объединенных наций»⁴⁶.

Таким образом, в подходе США к сложным событиям в Иране наметилась линия на рассмотрение вопроса в контексте международных отношений и соответствующего функционирования механизма ООН. Это стало основой еще большего сближения позиций США и Ирана, который в преддверии Московского совещания и в ходе его неоднократно обращался через посла Ала с просьбой отстаивать иранские интересы на встрече министров иностранных дел. Но в то же время госдепартамент не желал осложнения отношений с СССР. Свидетельством дружеского расположения американской администрации должны были стать намеки Бирнса советским лидерам, что США готовы «признать законное желание Советской России получить нефтяные концессии за ее территорией»⁴⁷ и что их возражения касаются лишь способов давления СССР на иранское правительство.

Уже на первом заседании Московского совещания Бирнс продемонстрировал взятие на себя функций миротворца. При обсуждении повестки дня Совещания состоялся жесткий торг между Молотовым и Бевинем о включении в нее «иранского вопроса». Глава советской делегации в духе предварительных заготовок увязывал обсуждение ситуации в Иране с вопросом о выводе английских войск из Греции и даже с событиями в Индонезии, где англичане содействовали в восстановлении голландского господства. Это было в равной степени нежелательно для Англии. Бирнс не возражал против обсуждения вывода американских войск из Китая, и Бевину пришлось занять оборонительные позиции. В конечном счете стороны приняли решение о неформальном обсуждении «иранского вопроса» на последующих заседаниях⁴⁸.

К нему вернулись 24 декабря (не считая состоявшихся в Кремле бесед Бирнса и Бевина со Сталиным 19 и 23 декабря), на закрытом заседании Совещания. Глава английской делегации, как бы отвечая на свое обещание генералиссимусу дать предложения о совместных действиях трех держав, представил проект «По вопросу о компетенции трехсторонней комиссии по Ирану». Бирнс, не желавший, чтобы иранский вопрос свелся к внутриполитической проблеме, внес в первоначальный проект Булларда 20 декабря принципиальную поправку, касающуюся вывода иностранных войск с территории Ирана⁴⁹. Вокруг нее и разгорелась дискуссия. Советская делегация предлагала заменить формулировку «комиссия должна заняться вопросом облегчения скорейшего вывода союзных войск» на «ускорение, насколько это возможно, вывода союзных войск»⁵⁰. Ее неопределенность не устраивала ни Бевина, ни Бирнса. На прямой вопрос Бевина Молотову: «Вы не согласны на то, чтобы установить срок вывода войск 2 марта?» — нарком ответил: «Мы на это не согласны»⁵¹. Глава советской делегации оперировал доводом о сложных условиях зимнего времени. Он предложил оставить все на

⁴⁵ Там же, ф. 0430, оп. 1, п. 2, д. 8, л. 14.

⁴⁶ FRUS, 1945, v. VIII, p. 488—489.

⁴⁷ Ibid., p. 489.

⁴⁸ АВП РФ, ф. 0430, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 9.

⁴⁹ FRUS, 1945, v. II, p. 771; v. VIII, p. 519.

⁵⁰ АВП РФ, ф. 0430, оп. 2, п. 5, д. 16, л. 1—2; ф. 094; оп. 31, п. 351а, д. 3, л. 23.

⁵¹ Там же, ф. 0430, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 240.

усмотрение еще не созданной трехсторонней комиссии и отложить вопрос из-за отсутствия иранской стороны.

Попытки Бевина вновь вернуться к иранскому вопросу на последнем заседании министров иностранных дел 26 декабря и даже принять почти все советские поправки были отвергнуты Молотовым и не поддержаны Бирнсом, желавшим поскорее завершить работу Московского совещания. По настоянию Молотова иранский вопрос не был включен в коммюнике Московского совещания. Нерешенность «иранского вопроса» на Московском совещании открывала прямую дорогу к его вынесению на обсуждение ООН. Под занавес работы Совещания в госдепартаменте был подготовлен специальный меморандум, в котором прогнозировалось поведение американской делегации на первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, планировавшей начать работу в январе 1946 г. в Лондоне, в случае поступления жалобы иранского правительства на вмешательство СССР во внутренние дела Ирана. Практический ход этому документу должны были дать результаты работы Московского совещания по «иранскому вопросу».

Правительство Ирана, конфиденциально информированное Бевинем и Бирнсом о ходе переговоров в Москве, укрепило в своем намерении послать протест в ООН, если будет обеспечена поддержка Лондона и Вашингтона. Администрация США отказывалась дать предварительные гарантии Ирану, мотивируя это дружественными отношениями с обоими государствами. Однако в отличие от Великобритании, пытавшейся убедить иранское правительство не ставить вопрос в повестку дня ООН, которая определялась 4 января, Бирнс, его заместитель Д. Ачесон и Гендерсон считали, что намерениям Ирана незачем препятствовать⁵².

Сдвиг в позиции США, по сравнению с политикой компромиссов на Московском совещании, коренился отнюдь не в недовольстве Трумэном политикой своего государственного секретаря в Москве⁵³. К концу 1945 — началу 1946 г. в госдепартаменте на уровне аналитических разработок была сформулирована новая геополитическая концепция американской политики на Ближнем и Среднем Востоке. Политика Англии и СССР рассматривалась ее авторами по классической схеме «баланса сил»: после разгрома Германии и Японии исчезли два главных препятствия на пути «русской экспансии» на Запад и на Восток. С этой точки зрения события в Иране и Турции толковались как попытка СССР сломать последний барьер и устремиться на юг, к Индии и другим колониальным владениям Англии, которые она уже не в состоянии защитить⁵⁴. За этими теоретическими выкладками экспертов, главным из которых являлся Гендерсон, стояла задача мобилизовать администрацию на более решительные действия, пока «Советский Союз не пошел еще дальше в Иране и Турции»⁵⁵.

Таким образом, кризисная ситуация в Иране способствовала конкретизации оформившихся в конце войны планов США реализоваться на Ближнем и Среднем Востоке в качестве не только равной, но и лидирующей великой державы. В отличие от советского руководства, делавшего ставку на поддержание тех внутривнутриполитических сил в Иране, которые из-за стремления к национальному самоопределению и демократическим преобразованиям выступали против социально-политического статус-кво, американская дипломатия выбрала для своих целей

⁵² FRUS, 1946, v. VII, p. 293—294.

⁵³ Truman H. S. *Memoirs*, v. 1. *Year of Decisions*. New York, 1955, p. 522; *Off the Record: The Private Papers of H. S. Truman*. Ed. by R. Ferrell. New York, 1980, p. 80.

⁵⁴ FRUS, 1946, v. VII, p. 2, 3.

⁵⁵ *Ibid.*, p. 4. Еще на Потсдамской конференции СССР предъявил территориальные претензии к Турции, а также внес предложение о совместной обороне черноморских проливов, в котором предполагалось размещение советских войск на Босфоре и в Дарданеллах. В ноте от 7 августа 1945 г., направленной правительству Турции, СССР предлагал пересмотреть международную конвенцию о режиме судоходства в районе Босфора и Дарданелл.

политику помощи иранскому правительству через защиту идеи суверенитета и независимости этого государства «третьего мира». Отсюда — повышенное внимание к роли ООН в «иранском вопросе». Помимо миссии защитников Ирана США собирались взять на себя функции гаранта авторитета новой международной организации, ее способности не повторить опыт Лиги наций перед лицом «агрессии большого государства против малого». Не менее важными считались и два взаимоисключающих друг друга предположения о том, что англо-советские противоречия в Иране могут перерасти в международный конфликт и что ослабленная Англия вынуждена будет пойти на компромисс с СССР, согласившись на раздел страны на «сферы влияния»⁵⁶. Рассмотренные в этой плоскости советско-иранские отношения и особенно вопрос о выводе советских войск из Ирана приобретали черты международного кризиса, затрагивавшего интересы всеобщего мира.

По мере рассекречивания архивов МИД еще предстоит изучить вопрос о том, насколько оправданной является распространенная в американской историографии точка зрения, что СССР был вынужден в 1946 г. вывести войска из Ирана из-за твердой позиции США в Совете Безопасности ООН. Документы, в которых освещаются двусторонние советско-иранские отношения, заставляют склоняться к выводу о решающем значении других факторов. После того как 19 января 1946 г. глава иранской делегации на собравшейся в Лондоне Генеральной Ассамблее ООН С. Х. Таги-заде передал письмо исполнявшему обязанности Генерального секретаря этой организации Х. Джеббу с требованием расследовать факты вмешательства СССР во внутренние дела Ирана, все усилия советской дипломатии были направлены на возвращение иранского вопроса в русло двусторонних отношений. С приходом к власти 27 января Кавама-эс-Салтане деятельность СССР в этом направлении перестала носить односторонний характер. 30 января иранская делегация выразила, наконец, желание начать официальные переговоры с советским правительством. Стороны обязались — в соответствии с принятой в этот же день резолюцией Совета Безопасности — предоставлять ему всю необходимую информацию о ходе переговоров.

Центральной темой сложных советско-иранских переговоров, которые проходили в Москве во время визита иранской делегации, длившегося с 19 февраля по 5 марта, продолжала оставаться ситуация в Иранском Азербайджане и вывод советских войск. Одновременно возникал вопрос, особенно волновавший советское правительство, — о получении СССР прав на разведку и промышленную разработку северной иранской нефти. Архивные документы отражают драматизм переговоров по данному вопросу. Особенно важным является меморандум НКИД Каваму от 28 февраля, состоявший из нескольких разделов. В нем подчеркивалось, что советское правительство, «идя навстречу иранской стороне и в ущерб своим интересам», 25 февраля сочло возможным заменить предложение о нефтяной концессии предложением об учреждении смешанного советско-иранского нефтяного общества, в котором 51 % акций должен был принадлежать СССР, а 49 % — Ирану. Но поскольку иранская делегация в письме от 26 февраля не дала согласия на это предложение, то советское правительство расценило это как нежелание считаться с «интересами СССР» и как дискриминацию страны. Завершался этот раздел меморандума весьма угрожающе: «Наркоминдел сим заявляет, что после доклада премьер-министру И. В. Сталину решено снять компромиссное предложение советской стороны и вернуться к официальному предложению, сделанному в 1944 г., о предоставлении Советскому Союзу нефтяной концессии в Северном Иране на началах, аналогичных с английской концессий в Южном Иране»⁵⁷.

Кроме того, в документе просматривалась взаимозависимость вопроса о нахождении советских войск в Иране с отказом в предоставлении нефтяной концессии

⁵⁶ FRUS, 1946, v. VII, p. 308, 309.

⁵⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 8, п. 36, д. 562, л. 1.

СССР. Помимо упоминания территориальных претензий к Советской России на Парижской мирной конференции 1919 г. со стороны националистических лидеров Ирана, в нем подробно говорилось о попытках иранских властей в 1920—1930-е годы предоставить нефтяные концессии иностранным государствам на южной границе Баку. «Все эти факты, — подчеркивалось в меморандуме, — свидетельствуют о том, что правящие круги Ирана имеют враждебные намерения в отношении СССР, готовы при случае нанести ущерб интересам СССР и создать угрозу нефтяным районам Советского Азербайджана и Советского Туркменистана»⁵⁸.

Перспектива разработки иранских нефтяных месторождений Англией или США вблизи советской границы по-прежнему и даже в большей степени воспринималась как угроза государственным интересам СССР. В советских представлениях о послевоенных национальных интересах центральное место отводилось идее безопасности, создания буферных зон на границах СССР. Поэтому обладание правами на нефтяную концессию в Северном Иране рассматривалось советским правительством как важная гарантия безопасности южных районов страны.

Прежде чем Кавам успел ответить на советский меморандум, врученный ему 1 марта, в средствах массовой информации появилось сообщение ТАСС, где говорилось, что, согласно сделанному 25 февраля на переговорах с Кавамом заявлению, СССР со 2 марта начинает выводить свои войска из «относительно спокойных районов» Ирана⁵⁹. Официальное сообщение вызвало резкий протест иранского правительства в ноте от 3 марта. Однако в ответном послании на советский меморандум от 28 февраля Кавам предпочел изменить тональность. 4 марта премьер-министр заверил Кремль в дружеских чувствах иранского правительства и предложил компромисс: «Если советское правительство пойдет мне навстречу в вопросе о немедленном выводе всех своих войск из Ирана, а также в азербайджанском вопросе, то у меня будет достаточно времени по возвращении в Тегеран согласовать все условия для создания этого (нефтяного. — *Н. Е.*) общества и представить надлежащий проект для утверждения парламента»⁶⁰.

Официальной реакции на эти предложения Кавама не последовало. Но из проекта ответа иранскому правительству на его протест от 3 марта и дополнений к советским меморандумам от 25 и 28 февраля следовало, что основой возможного соглашения советское правительство считало: стабилизацию положения в Иранском Азербайджане посредством переговоров Тегерана с азербайджанскими лидерами, изменение отношения иранских властей к СССР и решение вопроса о северной иранской нефти⁶¹. Естественно, что возможные в случае вывода советских войск вооруженные столкновения в Иранском Азербайджане между отрядами народного ополчения и подразделениями иранской армии, а также оставшаяся без должной охраны граница Ирана с Турцией — ее охраняли советские войска — все это тревожило Москву. Тем не менее, учитывая всю сложность мотивов советского руководства, нельзя не признать тот факт, что затягивание сроков вывода советских войск с территории Северного Ирана использовалось также в целях давления на иранское правительство.

Отказ СССР полностью вывести свои войска из Ирана, наряду с осложнением отношений бывших союзников в связи с процессом мирного урегулирования в Европе и на Балканах, играл на руку сторонникам послевоенного сближения Англии и США. Одним из главных вдохновителей этой идеи был У. Черчилль, выступивший с призывом к англо-американскому союзу в Фултоне 5 марта 1946 г., в день официального завершения визита иранской делегации и последнего ее приезда у Сталина. Для американских творцов глобальной внешнеполитической доктрины политика СССР в Иране служила дополнительным оправданием «же-

⁵⁸ Там же, л. 2—3.

⁵⁹ К 1 января завершился вывод американских войск из Ирана, а ко 2 марта закончила эвакуацию своих гарнизонов Англия.

⁶⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 8, п. 35, д. 551, л. 21.

⁶¹ Там же, л. 23—26.

ского курса» администрации Трумэна в глазах общественного мнения и одним из главных аргументов в пользу расширения влияния США на Ближнем и Среднем Востоке с опорой на позицию «силы».

В условиях значительно обострившихся англо-советских и американо-советских отношений правительство Ирана вновь прибегло к механизму ООН, поставив 18 марта перед Советом Безопасности вопрос об эвакуации советских войск. К его обсуждению приступили 26 марта, хотя уже 24-го тегеранское радио сообщило о возобновлении вывода советских войск из Ирана. Источником информации послужила состоявшаяся в этот же день встреча Кавама с новым советским послом И. В. Садчиковым, на которой Каваму и был вручен проект письма о получении советским командованием предписания закончить все приготовления к выводу войск в полуторамесячный срок, считая с 24 марта. Одновременно Кавам получил от НКВД проект своего ответа советской стороне по достижении взаимной договоренности. В нем сообщалось о согласии шаха на учреждение смешанного нефтяного советско-иранского общества на советских условиях⁶².

Наконец, 4 апреля состоялся одновременный обмен письмами между Садчиковым и Кавамом о выводе советских войск в полуторамесячный срок, начиная с 24 марта, и о создании смешанного нефтяного общества. Такая взаимообусловленность политических решений подтвердила, что задержка с выводом советских войск имела главной целью оказать давление на иранские правящие круги. Утверждение соглашения о советско-иранском нефтяном обществе новым составом меджлиса должно было состояться не позднее чем через семь месяцев, считая с 24 марта 1946 г.⁶³

Одновременно с обменом письмами по вопросу о создании нефтяного акционерного общества 4 апреля советское посольство в Тегеране получило письмо Кавама по азербайджанскому вопросу. В нем выражалось согласие иранского правительства на проведение в жизнь основных мероприятий, предложенных во время переговоров в Москве, по урегулированию взаимоотношений с национальным правительством Иранского Азербайджана. Хотя иранское правительство настаивало, чтобы официальным языком в этой провинции являлся персидский, а не азербайджанский, разрешая вести делопроизводство на двух языках, оно обещало свободу деятельности демократических и профсоюзных организаций в Иранском Азербайджане, обязывалось не применять репрессий в отношении населения и лидеров национально-освободительного движения, соглашалось увеличить количество депутатских мест в иранском меджлисе в соответствии с численностью населения провинции⁶⁴. Таким образом, одно из основных требований Демократической партии Азербайджана было учтено. Правда, как и в случае с нефтяным советско-иранским обществом, все откладывалось до утверждения на законодательной сессии меджлиса 15-го созыва.

Итак, «иранский кризис» был урегулирован. 9 мая вывод советских войск и грузов с территории Ирана полностью закончился⁶⁵.

Вывод советских войск из Ирана значительно осложнил положение ДП Азербайджана. 8 мая Сталин направил личное письмо лидеру ДП Д. Пишевари, который счел себя преданным Советским Союзом.

«Товарищу Пишевари.

Мне кажется, что Вы неправильно оцениваете сложившуюся обстановку, как внутри Ирана, так и в международном разрезе.

Первое. Вы хотите добиться всех революционных требований Азербайджана теперь же. Но нынешняя обстановка исключает возможность осуществления такой программы. Ленин выдвигал коренные революционные требования, как практические требования, подчеркиваю, как практические требования, лишь при

⁶² Там же, л. 35; п. 36, д. 562, л. 6.

⁶³ Там же, л. 8.

⁶⁴ Там же, оп. 7, п. 34, д. 544, л. 3, 4.

⁶⁵ Там же, ф. 094, оп. 37, п. 357а, д. 11, л. 29.

наличии сильного революционного кризиса внутри страны, углубленного неудачной войной с внешним врагом. Так было в 1905 г. во время неудачной войны с Японией. Так было в 1917 г. во время неудачной войны с Германией. Вы хотите в данном случае подражать Ленину. Это очень хорошо и похвально. Но обстановка в Иране теперь совершенно другая. В Иране нет теперь глубокого революционного кризиса. В Иране мало рабочих и они плохо организованы. Иранское крестьянство не проявляет пока серьезной активности. Иран не ведет сейчас войны с внешним врагом, которая могла бы ослабить реакционные круги Ирана в виде неудачи в войне. Следовательно, в Иране нет такой обстановки, которая позволяла бы проводить тактику Ленина в 1905 и 1917 годах.

Второе. Конечно, Вы могли бы рассчитывать на успех в деле борьбы за революционные требования азербайджанского народа, если бы советские войска продолжали оставаться в Иране. Но мы не могли их оставлять дальше в Иране, главным образом потому, что наличие советских войск в Иране подрывало основы нашей освободительной политики в Европе и Азии. Англичане и американцы говорили нам, что если советские войска могут оставаться в Иране, то почему английские войска не могут оставаться в Египте, Сирии, Индонезии, Греции, а также американские войска — в Китае, Исландии, в Дании. Поэтому мы решили вывести войска из Ирана и Китая, чтобы вырвать из рук англичан и американцев это оружие, развязать освободительное движение в колониях и тем сделать свою освободительную политику более обоснованной и эффективной. Вы, как революционер, конечно, поймете, что мы не могли иначе поступить.

Третье. Учитывая сказанное, можно прийти к следующему выводу насчет положения в Иране. В Иране нет глубокого революционного кризиса. В Иране нет состояния войны с внешними врагами, следовательно, нет и неудач в войне, которые бы ослабляли реакцию и обостряли кризис. Пока советские войска находились в Иране, Вы имели возможность развернуть борьбу в Азербайджане и организовать широкое демократическое движение с далеко идущими требованиями. Но наши войска должны были уйти и ушли из Ирана. Что же мы теперь имеем в Иране? Мы имеем конфликт правительства Кавама с англофильскими кругами в Иране, представляющими наиболее реакционные элементы Ирана. Каким бы реакционером ни был в прошлом Кавам, он вынужден теперь в интересах самозащиты и защиты своего правительства пойти на некоторые демократические реформы и искать опору среди демократических элементов Ирана. Какова должна быть наша тактика при этих условиях? Я думаю, что мы должны использовать этот конфликт для того, чтобы вырвать у Кавама уступки, оказать ему поддержку, изолировать англофилов и создать тем некоторый базис для дальнейшей демократизации Ирана. Из этого положения и исходят все наши советы Вам. Конечно, можно принять и другую тактику: плюнуть на все, порвать с Кавамом и обеспечить тем победу англофильских реакционеров. Но это была бы не тактика, а глупость. Это было бы по сути дела изменой делу азербайджанского народа и иранской демократии.

Четвертое. Вы, оказывается, говорите, что мы вознесли Вас сначала до небес, а потом бросили в пропасть и опозорили Вас. Если это верно, то это вызывает у нас удивление. Что же на самом деле произошло? Мы применили здесь обычный революционный прием, известный каждому революционеру. Чтобы обеспечить себе в такой обстановке, как обстановка в Иране, завоевание известного минимума требований движения, нужно движению разбежаться вперед, уйти дальше минимальных требований и создать угрозу для правительства, создать возможность уступок со стороны правительства. Не разбежавшись далеко вперед, Вы не имели бы возможности в нынешней обстановке Ирана добиться тех требований, на которые вынуждено идти теперь правительство Кавама. Таков закон революционного движения. Ни о каком позоре для Вас не может быть и речи. Очень странно, если Вы думаете, что мы допустили бы Вас до позора. Наоборот, если Вы поведете себя разумно и добьетесь при нашей моральной поддержке тех требований, которые легализуют в основном нынешнее фактическое

положение Азербайджана, то Вас будут благословлять и азербайджанцы, и Иран как пионера прогрессивно-демократического движения на Среднем Востоке.

И. Сталин»⁶⁶.

Это письмо не требует дополнительных комментариев. Подчеркнем лишь два момента. Высказывания Сталина о тактике в отношении правительства Кавама дают основание предполагать, что, получив уступки в таких принципиальных вопросах, как североиранская нефть и автономия Иранского Азербайджана, советские лидеры стремились избежать действий, способных подорвать позиции этого политика в правящих кругах Ирана. Теперь главной целью советской дипломатии было стремление реализовать советско-иранские договоренности, тем более что правительство Кавама под различными предложениями стремилось задержать выборы в меджлис, который должен был утвердить соглашение о создании советско-иранского нефтяного общества. Именно этими соображениями, помимо трезвой оценки неблагоприятной международной ситуации, следует объяснить тот факт, что, когда Кавам под предлогом выборной кампании заявил 21 ноября о введении во все провинции, включая Иранский Азербайджан, правительственных войск, СССР ограничился только «дружеским предупреждением» и рекомендацией отказаться от таких планов⁶⁷. После вступления правительственных войск в Иранский Азербайджан 11 декабря 1946 г. национально-демократическое движение в этой провинции было потоплено в крови, как и в Иранском Курдистане. Избранный к середине 1947 г. новый состав меджлиса отказался ратифицировать советско-иранское соглашение о совместном нефтяном обществе.

Советские цели в Иране не были безграничными, как утверждает во многих зарубежных исследованиях. Они сводились к вполне конкретным требованиям и не преследовали территориальной экспансии.

Письмо Сталина показывает, что весной 1946 г., невзирая на откровенно проиранскую политику США в ООН, советские государственные деятели продолжали воспринимать Англию в качестве своего главного соперника на Ближнем и Среднем Востоке. Однако к осени 1946 г. в разведывательных и аналитических материалах, поступавших в ЦК ВКП(б), стала нарастать информация об ослаблении позиций Англии на Среднем Востоке и о возрастании там американского влияния. Более того, в этих материалах высказывалось предположение, что именно американское посольство в Тегеране, тщательно изучив ситуацию в Иранском Азербайджане и возможность военного вмешательства СССР, подсказало Каваму удачное время для введения правительственных войск в Северный Иран и снабдило его военной техникой⁶⁸.

В данных сообщениях находила отражение реальная ситуация на Ближнем и Среднем Востоке. «Иранский кризис» привел к необратимым геополитическим изменениям в этом регионе: традиционное место Великобритании постепенно занимали США. Следующий конфликт в регионе между СССР, Англией и США в связи с турецким вопросом проходил под знаком заметного обострения советско-американских отношений и вызвал к жизни «доктрину Трумэна», корни которой лежали в иранском опыте.

Итак, к маю 1946 г. «иранский кризис» был урегулирован. Но его последствия оказались гораздо шире региональных рамок. События вокруг Ирана повлияли на становление тех компонентов послевоенной системы международных отношений, которые составили основу политики «холодной войны»: тенденцию к партнерству США и Англии против СССР и его политики в стратегически важных районах; отказ США от изоляционистской доктрины и переход к глобализму; выработку стратегии «сдерживания» коммунизма; вовлечение стран «третьего мира» в противоборство великих держав.

⁶⁶ Там же, ф. 06, оп. 7, п. 34, д. 544, л. 8, 9.

⁶⁷ Там же, оп. 8, п. 34, д. 543, л. 16.

⁶⁸ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 1111, л. 46.